

Лин Цзюнь слышал это много раз и давно перестал удивляться, а вот сердце Сы Хуая, похожее на кошачье, было подвешено. Он подошел на цыпочках и по неосторожности забыл то, что помнил всю дорогу.

Такой высокий монах с таким уровнем духовной практики должен сидеть в задымленном благовониями Зале Великого Героя и объяснять каноны и буддийские теории, а не стоять здесь, на кухне, окутанный дымом и сажей, готовя еду. Но он не только готовил, но и делал это с умением.

Порция тонкой лапши отправилась в кипящий котел. Лин Цзюнь оглянулся на окно, достал из широкого рукава рясы два яйца, разбил их в котел, и белок быстро свернулся, плавая на поверхности лапши.

Он повернулся и как раз встретился взглядом с Сы Хуаем, который жадно смотрел на котел. Вздохнув и покачав головой, он выловил лапшу из котла в миску, снова покопался в рукаве и достал промасленный бумажный сверток. Медленно развернув его, он с важностью положил несколько кусков сухой говядины, лишенной жира, в миску с лапшой, поднес ее двумя руками к Сы Хуаю и с легкой улыбкой спросил:

— Помнишь, какой сегодня день?

— А? Какой день? Эм... шестнадцатое сентября, это и не день для курения благовоний и поста...

— Сы Хуай с недоумением посмотрел на него, думая: «Неужели этот монах сошел с ума от долгих чтений сутр? Иначе зачем бы он задавал такие бессмысленные вопросы и еще сварил мне лапшу».

— В прошлом году, шестнадцатого сентября, я сорок девять дней читал сутры на лотосовой платформе в храме Хуго, моля о дожде, и Божественный Дракон явился, пролил дождь и превратился в прекрасного юношу. Знают ли бессмертные дни рождения, я не знаю, но люди празднуют их каждый год ради удачи. Раз ты принял человеческий облик именно в шестнадцатое число, это тоже можно считать твоим днем рождения.

— День рождения... — Сы Хуай пробормотал. Раньше он слышал это слово от паломников, приходящих помолиться, но какой день он сам вылупился из скорлупы — давно забыл, и никогда не думал, что у него есть такой день. Внезапное упоминание показалось ему чужим.

Лин Цзюнь подошел к маленькому деревянному столу, освободил одной рукой место на столе, сгреб все вещи в сторону, оставив место для миски, положил палочки и поманил его рукой.

Сы Хуай послушно подошел, опустил голову и взглянул на яйца и мясо в миске, но не сел сразу и не взял палочки, а повернулся к Лин Цзюню:

— Откуда у тебя мясо?

За этот год маленький юноша сильно вырос. Лин Цзюнь был ростом восемь чи и среди монашеской толпы возвышался на целую голову. В прошлом году Сы Хуай доставал ему только до плеча и предплечья, а сейчас, стоя перед ним, он уже был выше его подбородка. Детская наивность с лица ушла значительно, в изящных чертах между бровей и глаз еще сквозила легкая незрелость, а изменившийся голос обладал своеобразной хрипотцой.

Взгляд Лин Цзюня скользнул по красной родинке на его веке, когда тот опустил ресницы, но не поспешил отвернуться, а с обычным видом ответил:

— Выпросил у паломников. Ты же все время кричишь, что хочешь мяса? Решил ради дня рождения позволить тебе немного отступить от правил. Кстати, не знаю, сколько тебе лет сейчас?

— Возраст я тоже плохо помню. Помню только, что после прихода в реку Хуай я погрузился в практику на дне воды и сотни лет превращался из змеи в цзяо. Но тело цзяо слишком велико, я боялся напугать людей, поэтому продолжал сжиматься в маленькую змею и ютился на дне. Чтобы превратиться из цзяо в дракона, нужно было практиковать еще несколько сотен лет, кто знал, что встречу сильную засуху. Но я не только не высох под солнцем до змеиной кожицы, но и встретил тебя, святого монаха. Хотя трансформация прошла не полностью, я все же пережил великое бедствие вознесения и стал драконом, способным парить в облаках.

Сказав это, Сы Хуай очень серьезно пересчитал на пальцах и добавил:

— Хотя я выгляжу молодым после трансформации, мой возраст, вероятно, больше, чем у этого храма Минхуа.

— Ешь скорее, лапша остынет. — Лин Цзюнь подтянул длинный стул немного ближе, небрежно перевел тему. Он не впервые наставлял яо, но впервые наставлял дракона, практиковавшего сотни лет. Хотя годы реально и верно лежали перед глазами, ему все же было трудно сопоставить этого пятнадцати-шестнадцатилетнего юношу с теми старыми предками, которые стали историей давно.

Аромат лапши, смешанный с запахом масла и мяса, весело разносился по воздуху. Сы Хуай проглотил слюну, совсем без позы присел на стул на корточки, захватил палочками и отправил в рот.

Лин Цзюнь был монахом, далеким от мирских забот, и в деле готовки у него действительно не было особого таланта, но было невкусно. Соль и перец были умеренными, возможно, мясо в миске удовлетворило его рот, который год питался пресной едой, где даже трава казалась вкусной, и он счел эту так называемую лапшу долголетия необычайно вкусной.

— Сы Хуай. — Лин Цзюнь сидел рядом, перебирая в руках четки, и, увидев, что тот допил даже суп из-под лапши, окликнул его.

— Через несколько дней я снова отправлюсь в храм Хуго читать сутры, поедем со мной. Слышал, в верховьях реки Хуай произошло наводнение, после чтения сутр как раз можно сделать крюк и посмотреть. Если ты хочешь, мы можем отправиться на юг или на север. Хотя сильная засуха прошла год назад, в некоторых местах простые люди все еще живут в воде и огне...

— Это настоятель велел тебе забрать меня? — Сы Хуай тихо положил палочки на край чаши и повернул лицо к нему. — Ты не говоришь, но я и так знаю. Я ведь не ученик, принявший постриг, утренние молитвы читаю плохо, сутры переписываю небрежно, и весь день мешаю другим практиковать. Самое главное, что из-за меня людей, приходящих молиться, стало хоть и больше, но сердца их недостаточно искренни.

Сы Хуай был человеком с простой натурой, но мозгами не обделен. Даже если он выставит меня как вывеску для привлечения паломников, настоятель все равно не будет меня слишком любить. Люди, поклоняющиеся Будде, могут поклониться где угодно. Проехав тысячи ли в храм Минхуа, они скорее поклоняются Божественному Дракону, нежели Будде.

Настоятель не первый раз упоминал это Лин Цзюню, только тот все не знал, как открыть рот, и

воспользовался этим моментом, чтобы как раз взять его с собой в путешествие и закалить.

Думал, что узнав, что настоятель хочет, чтобы он ушел, Сы Хуай будет расстроен, не ожидал, что тот взял одну палочку и начал крутить ее на кончике пальца. Текущий духовный свет был подобен лезвию, через два-три движения палочка была обточена в тонкую бамбуковую шпильку. Красивый юноша, чистя зубы, подмигнул ему и спросил:

— Когда выступаем?

— Не спешим...

— Тогда завтра пораньше, чтобы не задерживаться в пути.

Сказав эти слова, Сы Хуай почти подпрыгнул со стула и метнулся к двери, в мгновение ока исчезнув без следа.

Лин Цзюнь смотрел на направление его исчезновения, молча посидел у стола какое-то время, только потом проглотил все подготовленные слова утешения обратно в живот и медленно пошел обратно в монашескую келью.

Монахи с определенным статусом в храме в основном жили в отдельных комнатах, и Лин Цзюнь не был исключением. Когда Сы Хуай только приехал в храм Минхуа, его почетно принимали как гостя и селили в гостевом доме, не ожидали, что он проспит там несколько дней, затем свернул постель и перенес в его комнату, поставив кровать, и так жил целый год.

Сейчас тот, кто захватил место хозяина, стоял на кровати, подвернув штанины обеих ног, у ног уже стояли два узла.

— Даже вещи собран? Видно, давно хотел уйти? — Лин Цзюнь бросил на него взгляд, не стал его бранить, сам открыл рядом шкаф и достал посох, прислоненный к стене шкафа.

Этот посох Сы Хуай знал. В прошлом году при возвращении из столицы именно благодаря этому посоху они смогли притащить обратно все те вещи, но после возвращения Лин Цзюнь небрежно протер его пару раз и убрал в шкаф, с тех пор больше не вытаскивал.

Один старый монах, служивший в храме много лет, рассказывал, что этот посох оставил ему учитель Лин Цзюня, наставник Ляо Цзин, а вот нефритовая подвеска внутри имела другое происхождение.

Когда Лин Цзюнь впервые заявил о себе, ему было всего пятнадцать лет. В то время в одном месте орудовал яо, и видя, как младенцев в городе одного за другим уносят, многие практики и высокие монахи не могли ничего сделать, не ожидали, что в конце концов его устранил проезжающий монах Лин Цзюнь, и на короткое время его имя стало громким.

Тогда Лин Цзюнь в одиночку отправился в пещеру яо, собственноручно убил яо, но, не вынося видеть, как его душа и дух рассеются, нашел способ наставить его изначальный дух. Яо в благодарность выплавил из своей сущной крови бирюзовую нефритовую подвеску и подарил Лин Цзюню.

После возвращения в храм наставник Ляо Цзин высоко его похвалил и подарил ему посох, который носил сам. Нефритовая подвеска имела недостаток, посох был пустым, они как раз сочетались. Поэтому он потратил ровно год труда, вложив в нефритовую подвеску половину своих духовных сил, встроил подвеску в центр посоха, а затем закалил кармическим огнем

сорок девять дней, прежде чем тот принял нынешний вид и получил название: Посох Бицзюэ.

<http://bllate.org/book/16805/1545808>